

чару и передъ тѣмъ, чтобы выпить, перекрестился. Всѣ Мораване тоже исполнили. А Боривой и Чехи были некрещенные и прямо выпили. Другой разъ пошли бояре кругомъ стола, и опять также случилось. Послѣ третьей чары сталъ хмѣль разбирать князя Святополка, онъ сказалъ Боривой: «Не хочу съ тобой сидѣть, ты поганый; ѣшь, пьешь, не благословясь; вотъ твое мѣсто.» И столкнулъ Святополкъ шурина своего подъ столъ. Боривой сгоряча не очень обидѣлся. Но когда вернулся Боривой къ себѣ въ Чехію, то сталъ задумываться: не выходилъ у него изъ головы моравскаго князя пиръ. Уставить, бывало, князь чешскій очи въ полъ, нахмурится и думаетъ: «Осрамилъ меня Святополкъ, даромъ что породнился со мной. Развѣ хуже я его? И не въ первый разъ мы это слышимъ: «некрещенные язычники.» Должно и вправду мы хуже, потому что въ насъ вѣры той нѣтъ, что въ нихъ есть. А и у нихъ прежде не было этой вѣры, такіе же—какъ мы—были некрещенные: и мы, значить, если, крестимся, такіе будемъ, какъ они; и не станутъ насъ погаными обзывать.»

Про эти всѣ свои мысли рассказывалъ Боривой супругѣ своей Людмилѣ: онъ съ ней дружно жилъ. Она же послушаетъ его рѣчей, помолчитъ, вздохнетъ и послѣ скажетъ: «А хороша моравская вѣра! Какъ твою сестру вѣнчали, я дивовалась: церковь золотомъ украшена, лицами разными росписана, точно живые люди со стѣнъ глядятъ. И пѣніе хорошо у нихъ, молитвы такія прекрасныя. Когда Евангеліе стали читать тоже мнѣ понравилось. Все рассказано: какъ жить, что дѣлать; у насъ этого ни откуда не узнаешь, у насъ люди все творятъ на-угадъ, каждый по своему уму, а умъ не у всякаго къ правдѣ тянетъ. У насъ иной человѣкъ хочетъ быть добрымъ и не знаетъ, что благо, что зло.» И говоритъ Боривой: «За то и величаются надъ нами Мораване, что у нихъ про всякій случай жизни есть писанный законъ; живи по писанію,—и тебѣ хорошо будетъ, и людямъ.»

И опять скажетъ Людмила: «У христіанъ, я слыхала, послѣ смерти жизнь будетъ; у христіанскаго Бога на небесахъ есть другой міръ, много прекраснѣе здѣшняго.» А Боривой отвѣтитъ: «Мораванамъ и здѣсь не худо. Такой славы, какъ нынѣ, не было у нихъ, пока не были они крещены. И еще что я думаю: прошлымъ лѣтомъ были Мораване въ горькихъ бѣдахъ, чисто погибали; а теперь опять лучше, чѣмъ прежде, красуются. Это имъ, значить, Богъ ихъ помогаетъ.» Такими словами Боривой и Людмила другъ друга утѣшали и вразумляли; наконецъ рѣшили между собою сдѣлаться христіанами.

И когда кончилась война съ Нѣмцами, то Боривой послалъ гонцовъ къ Святополку сказать, что князь чешскій желаетъ креститься, просить священниковъ. Святополкъ промолвилъ чешскимъ гонцамъ: «Спросите епископа